

УДК 811.112.2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКИ

Маслова А.Н., старший преподаватель
кафедры русской филологии и перевода
Мариупольский государственный университет

Белла М.В., старший преподаватель
кафедры русской филологии и перевода
Мариупольский государственный университет

Статья посвящена изучению такого лингвистического явления, как молодежный сленг. Целью исследования является лингвистическое описание сленговых лексем, выделенных в романе Дороты Масловской «Wojna polsko-rosyjska pod flagą biało-czerwoną». В ходе работы была определена функционально-стилистическая роль лексем и проанализированы переводческие трансформации.

Ключевые слова: молодежный сленг, жаргонная лексика, коннотация, переводческие трансформации, стилистическая функция.

Стаття присвячена вивченню такого лінгвістичного явища, як молодіжний сленг. Метою дослідження є лінгвістичний опис сленгових лексем, виокремлених у романі Дороти Масловської «Wojna polsko-rosyjska pod flagą biało-czerwoną». У ході роботи було визначено функціонально-стилістичні навантаження лексем і проаналізовано перекладацькі трансформації.

Ключові слова: молодіжний сленг, жаргонна лексика, конотація, перекладацькі трансформації, стилістична функція.

Maslova A.N., Bella M.V. CLASSIFICATION OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS AT THE TRANSLATION OF JARGON LEXICON

This article is devoted to the study of such linguistic phenomena as youth slang. The aim of this study is a linguistic description of slang lexemes found in the work of Dorota Maslovska «Wojna polsko-rosyjska pod flagą biało-czerwoną». During the work were defined functionally-stylistic function of lexemes and the methods of translation of youth slang.

Key words: youth slang, slang vocabulary, ways of translation, connotation, stylistic function.

Постановка проблемы. Одним из важных вопросов переводоведения до сих пор является проблема перевода польской жаргонной лексики. Жаргонизмы – это слова, которые используются определенными социальными или объединенными общими интересами группами, которые содержат тайный, непонятный для других участников коммуникативного процесса смысл. Ввиду того, что русский язык развивается очень быстро, словарный запас пополняется новыми лексемами, происходит процесс заимствования из близкородственных языков, лингвистам-переводчикам становится трудно успеть за такими достаточно интенсивными языковыми явлениями.

Анализ последних исследований и публикаций. Молодежный сленг стал не только неотъемлемой частью общественной жизни польской молодежи, но и обязательным атрибутом коммуникативной деятельности. Среди исследователей в области молодежного жаргона следует отметить работы И. Шрайбера, Ф. Гуцвы, Ст. Вечоркевича, который даже

делал попытки собрать материал для словаря ученического жаргона. Несмотря на разработанность многих вопросов в области социальной лингвистики, до сих пор нет единства в толковании и использовании терминов «жаргон», «сленг», «молодежный сленг»; недостаточно четко обозначены границы соответствующих языковых вариантов в их взаимодействии между собой. Объяснение этих терминов является одной из наиболее сложных задач. Также в языкознании нет однозначного мнения о путях решения проблемы перевода жаргонной лексики.

Постановка задачи. Целью статьи является лингвистическое описание понятия «сленг», описание и определение особенностей перевода, анализ средств перевода молодежного сленга польского языка на русский, а также классификация переводческих трансформаций жаргонной лексики на материале польского романа Д. Масловской «Wojna polsko-rosyjska pod flagą biało-czerwoną». Выбор темы обусловлен тем, что изучение

молодежного сленга представляет большой интерес для лингвистов и филологов. Анализ литературных произведений XX века невозможен без знания молодежного сленга, так как он играет ведущую роль в формировании литературного языка. Причины актуальности этой темы обусловлены требованиями литературы, изучением состава польской и русской жаргонной лексики.

Изложение основного материала исследования. Жаргон – это разновидность языка любой группы людей, объединенных единой профессией (жаргон летчиков, шахтеров, моряков), занятием (жаргон спортсменов, коллекционеров) и др. Жаргон – это своего рода язык в языке. Формально говоря, молодежный жаргон часто называют сленгом (от англ. *slang*) или арго (от франц. *argot*).

Сленгизмы относятся к нелитературной лексике. Это слова очень выразительные, ироничные, они служат для завуалированного определения предметов, о которых говорят в повседневной жизни.

Молодежный сленг отличается от других типов тем, что сленгизмы используются в общении людей одной возрастной категории. От обычных слов они отличаются эмоционально-экспрессивными оттенками, чаще всего несут негативную коннотацию, по семантике близки к сниженной бранной лексике, отличаются «зацикленностью» на реалиях мира молодежи [1, с. 35].

Молодежный сленг не принадлежит к какой-либо отдельной группе, ввиду этого должен рассматриваться как явление с чертами всех групп нелитературной лексики.

Сленг – это универсалия. Многие черты роднят молодежный сленг с разными семантическими группами арго. Это, во-первых, его депрециативность: он весьма критически, иронически ведет себя со всем, что связано с давлением государственной машины. Здесь чувствуется резко выраженный идеологический момент – «системный» сленг с самого своего возникновения противопоставляет себя не только старшему поколению, но и, прежде всего, официальной системе.

Следующей особенностью, характеризующей молодежный сленг как универсалию, является особенность, связывающая его с другим арго, особенно со студенческим арго (польским, французским, немецким, болгарским и др.), – его человеческая направленность.

Родственность молодежного сленга с различными группами арго проявляется в его

метафоричности. Арготические словообразования можно еще назвать словотворчеством, так как в таких образованиях встречается не индивидуальная выдумка, а в подлинном смысле слова широкое коллективное, а также широкое и разнообразное по своим приемам языковое творчество.

Молодежный сленг характеризуется доминированием репрезентативной функции, а не коммуникативной и тем более не криптолалической. Можно выделить именно репрезентативную функцию как органичную и важную при рассмотрении, например, жаргона школьников. Когда ученик говорит «*на фиг*» вместо «*зачем*», он рассматривает это слово как коммуницированный комплекс идей не только с одним переводным значением слова («*зачем, почему*»), а еще с кое-чем другим. И если попробовать передать это «кое-что», то это окажется мыслью примерно со следующим содержанием (мыслью, которая содержит характеристику обоим участникам языкового обмена (диалога)): «Оба мы с тобой, мол, хулиганы (или, точнее, играем в хулиганов)!».

Молодежный сленг – это не просто способ творческого самовыражения, но и инструмент двойного отстранения. Как каждому арго и шире – как каждому субъязыку, ему свойственна некоторая размытость границ. Выделить его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения можно только весьма условно. Постепенное распространение молодежного сленга идет от центра к периферии, и на периферии он укореняется минимально. Также молодежный сленг является одним из функциональных стилей, к которому прибегают носители языка с относительно высоким уровнем образования (его «англизированность» – веское тому доказательство) только в определенной ситуации общения. В других ситуациях они пользуются другими средствами шкалы стилей.

Сленг используется молодыми людьми, когда они общаются между собой в непринужденных, неофициальных условиях, «загрязнения» языка не происходит. То же самое касается и языка художественной литературы: когда сленгизмы являются отражением в ней элементов речевой маски персонажа, это не вызывает никакого протеста, если используется с тактом и эстетически мотивированно.

Главную роль в языке сленга, с точки зрения Земской Э., играют специальные слова или словосочетания – маркеры. Эти слова были своего рода универсальными сообщениями, заменяющими длинную последовательность

предложений, которые, наверняка, просто не хотелось произносить [2, с. 99].

Кроме этого, они выполняют функцию кодировок, скрывающих содержание беседы от непосвященных [3, с. 53]. Предположим, кого-то из своих уличают при посторонних в неприличном поступке. Можно начать полемику и ввести публику в курс дела. А можно просто с соответствующей интонацией процедить сквозь зубы: «Чарльз Дарвин». Фраза является результатом редуцирования известной цитаты: «Кто мне это говорит? Граф Толстой мне это говорит или Чарльз Дарвин?». И означает это в переводе на местный примерно «сам такой».

Следует отметить, что молодежный сленг привлекает к себе внимание своей выразительностью, озорной и веселой игрой со словом, с которым взрослая часть населения начала знакомиться, читая произведения молодых прозаиков и поэтов, молодежную прессу и слушая своих детей. На фоне уныло-лживой официальной пропагандистской «жвачки» сленг заинтересовал свежей метафоричностью, раскованностью, а порой и стилистикой обозначений. Состав сленга отражает опасный, тревожный факт распространения наркомании: десятки слов и высказываний. Сленг свидетельствует и о стойкости бытовой ксенофобии.

Лексика социолектов имеет узкий и специфический диапазон употребления. Основная сфера ее использования – устная повседневная разговорная речь отдельных социальных групп, в которых жаргонизмы являются одним из средств выражения экспрессии, шуточно-иронического или пренебрежительного отношения к отдельным явлениям действительности. Как иллюстративный материал лексика социолектов используется в научном стиле, в частности, в лингвистических и психолого-педагогических трудах.

Яркая эмоционально-экспрессивная окраска, живая образность лексики социолектов обуславливает ее использование в художественном языке. Отбор и характер употребления жаргонизмов в художественных произведениях зависят от мастерства автора, его эстетических предпочтений [1, с. 39]. С помощью этих языковых средств намного легче и полнее можно описать определенную среду, охарактеризовать общий уровень персонажа, способ его мышления, принадлежность к определенной социальной категории. Жаргонизмы также являются средством создания юмористического или иронического

эффекта. Однако использование их должно быть мотивированным, отвечать чувству меры. Употребляемая без надобности лексика социолектов засоряет язык, не способствует формированию у читателя художественного вкуса.

Исследуемый роман с точки зрения литературы написан очень профессионально, качественно выполнен, очень точно передает ту степень влияния, которую испытывает носитель языка при чтении оригинального текста. Использование ругательной, иногда грубой, иногда сниженной по семантическим признакам лексики полностью мотивировано. Формирование представления о персонажах и обстоятельствах / условиях жизни нередко происходит с помощью употребления лексики молодежного сленга.

Исследование различных слоев лексики является актуальным для теории и практики перевода. Большой интерес для лингвистов представляет лексика, характеризующаяся в основном экспрессивной функцией.

Один из известных переводчиков (В. Горчак) отмечает, что вопрос об использовании ненормативной лексики в переводах является очень непростым, «ибо напечатанное слово за рубежом и напечатанное слово у нас – это совершенно разные вещи».

Другой исследователь, Л. Белозорович, режиссер дубляжа многих голливудских фильмов, говорит, что идея перевода «без купюр» достаточно противоречива. Для того, «чтобы предоставлять текст с использованием ненормативной лексики, необходимо обладать высоким уровнем внутренней культуры, иначе перевод превратится в эпатажный набор нецензурной лексики».

Сейчас, когда к литературному переводу более не выдвигаются требования цензуры и переводить можно как угодно, возникает другая проблема. С одной стороны, переводчики нередко делают с текстом переводимого романа то, что не без иронии описывает К. Чуковский (труд «Высокое чувство»). Он утверждает, что боязнь неуклюжей пошлости сдерживает переводчиков от использования сленговой лексики в текстах своих переводов. С другой стороны, очень часто встречаются случаи именно неуклюжего, бездумного, дословного перевода такой лексики, без учета большого количества аспектов, характеризующих ту или иную лексическую единицу, а именно: семантики, сферы применения, степени сниженности в языке оригинала, степени экспрессии.

Прежде чем взяться за перевод литературного произведения какого-либо иноязычного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, языковые средства образности текста. Только в случае правильного выбора способа перевода переводчик может точно передать ту степень влияния литературы на сознание, которую испытывает носитель языка, в конкретном случае – читатель текста оригинала.

При проведении исследования было установлено, что сленг можно поделить на две группы:

- вульгаризмы (бранные слова);
- жаргонные слова и выражения, широко применяемые в разговорной речи.

Сленгизмы характеризуются ярко выраженной фамильярной коннотацией, однако употребление таких лексем является допустимым, и они формируют определенный пласт лексики литературного языка.

К первой группе относятся лексемы-вульгаризмы, употребление которых недопустимо в речи культурного поляка. Употребление бранных слов со сниженной семантикой в речи делает ее более экспрессивной. Надо отметить, что степень соотношенности эмоциональности польского и русского сленга сейчас является достаточно сложным вопросом ввиду проблем перевода таких лексических единиц переводчиками польской литературы, кино. Очень часто переводчики принимают во внимание такое расхождение степени экспрессивности, и перевод содержит менее экспрессивные эквиваленты. Но нередко бывает и наоборот. Так, на примере перевода И. Лаппо романа Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» можно сделать следующие выводы. 1. Равнозначный перевод жаргонной лексики:

«Dawaj nogę, *nie bajeruj* – mówię grubym głosem, będąc tak okrutny jak nigdy mi się nie zdarzało w najgorszych wyjściach na solo, wobec najgorszych przeciwników prosto z anabolu, prosto z koksu...». – «Давай ногу и *заткнись*», – говорю я хриплым голосом, и я жесток, как никогда в жизни, даже в самых крутых разборках, даже со своими злейшими врагами, даже при самых паскудных ломках, когда снимался с кокса или анабола».

В толковом словаре польского языка выражение «*bajerować*» означает фразеологическое сленговое сочетание «рассказывать о чем-то без остановки с преувеличением

фактов». Русское «заткнуться» также подается в толковом словаре с пометой пренебрежения, является лексемой со сниженной семантикой и означает «замолчать». Таким образом, можно сказать, что переводчик, используя эту лексическую единицу, практически в полном объеме отражает значение польского сленгизма, указывая на прекращение речевой деятельности одного из говорящих. Перевод можно считать адекватным и эквивалентным, но стоит отметить, что сема польского сленгизма «преувеличивать факты» переводчиком утеряна. Однако семантическая потеря на понимании текста в русском варианте не отразилась, и сохранилась стилистическая окраска.

«Dawaj nogę, *nie bajeruj* – mówię grubym głosem, będąc tak okrutny jak nigdy mi się nie zdarzało w najgorszych wyjściach na solo, wobec najgorszych przeciwników prosto z *anabolu*, prosto z *koksu*...». – «Давай ногу и заткнись», – говорю я хриплым голосом, и я жесток, как никогда в жизни, даже в самых крутых разборках, даже со своими злейшими врагами, даже при самых паскудных ломках, когда снимался с *кокса* или *анабола*». В русском и польском языках «кокс» является лексемой, относящейся к пласту жаргонной лексики, и означает сокращенное название кокаина – наркотического вещества порошковой или кристаллической формы. Слово не требует перевода, поскольку эта реалья существует как в польской картине молодежного мира, так и в русской. То же самое касается «анабола» (анаболики – препараты, вызывающие наркотическую зависимость), эта словоформа известна как польскому читателю, так и русскому; она имеет прямые сленговые соответствия. Поэтому мы обнаруживаем адекватный, эквивалентный перевод, без потери на семантическом и стилистическом уровне.

2. Расхождение степени экспрессивности при переводе.

2.1. Перевод нейтральных выражений посредством сленгизмов русского языка.

«Dawaj nogę, *nie bajeruj* – mówię grubym głosem, będąc tak okrutny jak nigdy mi się nie zdarzało w najgorszych wyjściach na solo, wobec najgorszych *przeciwników* prosto z anabolu, prosto z koksu...». – «Давай ногу и заткнись», – говорю я хриплым голосом, и я жесток, как никогда в жизни, даже в самых крутых разборках, даже со своими злейшими врагами, даже при самых паскудных *ломках*, когда снимался с кокса или анабола». Польское существительное «*przeciwnik*»

означає «противник, недоброжелатель, тот, хто протидіє кому-либо, чому-либо» і являється нейтральною лексемой без експресивних і стилістических відтінків, в той час як російське «ломка» відноситься до жаргонної лексики і означає «синдром фізических і/або психических розладів, розвиваючийся у хворих наркоманією після деякого часу після припинення прийому наркотику». В процесі перекладу відбулася перекладеска трансформація на стилістическому рівні. Перекладеска проблема була вирішена: для читаческої російськомовної аудиторії не іскажується семантическа сторона викладення матеріалу, і змінення автором стилістики контекста лише в чергове раз підкреслює наркозалежність головного героя роману.

«*Samotność uderzyła ci do głowy*». – «Тебе самотність **в голову ударило**». «*Coś uderza do głowy*» – польська фразеологіческа одиниця, не являючася елементом молодіжного сленгу або жаргонізму; означає якесь-лібо подія, явлення, впливаючесє несподівано в нашесї свідомості. В тексті перекладу автор використовує фразеологізм розмовної стилістики з експресивною коннотацією «ударити в голову» в значенні «швидко п'янити». З точки зору художнеского оформлення автор хоче зробити акцент на те, що головний персонаж помешан на наркотических засобах і алкогольє, і все, о чєм би он ні думав, зв'язано з засобами, дурманящими трезве свідомість. Таким образом, преувеличєніє, а іменно заміна нейтрального елемента, оправдано і семантически уместно.

«*Gdy tak patrzę na nią, przychodzi mi myśl o tym, że być może jej dramat polega na urodzeniu się nie w tym miejscu, nie w tym czasie*». – «Коли я так дивлюсь на неї, **в моєй чайніцє мисли**, що, може, її драма состоїть в народженні не в тому місці і не в той час».

«*Patrzę na Magdę...*». – «**Втыкаю** на Магду...».

Таким чином рішення перекладескої проблеми являється оправданим, адже в російськомовній мові ця ситуація описана більш повно в лексико-семантическому аспекті. Нейтральний глагол «patrzeć» означає «куди-то дивитися, на щось-то поглядіть», в той час як російська жаргонна лексема «втыкать» має значення «слухати щось-лібо з задоволенням, наслаждатися чєм-то». Тому підвищення перекладчиком степеня експресивності в даному контексті уместно, сленгізм повністю отобра-

жає ситуацію відносин і художнеско виражає емоції говорящих.

2.2. Переклад сленгізмів нейтральними оборотами мови.

«*Bo nie ma właściwie żadnej różnicy, i z tym, i z tym **jeden czort**, jeden wielki problem*». – «Ну ніє, сабствєнно, ніякої різниці – і з теми, і з іншими **все рівно** одна велика проблема». Польське вираження «*jeden czort*» має значення «2 або більшє речей, котрі не мають ніякої різниці для говорячєго». Для польської мовної картини цей сленгізм не являється грубим вираженієм або нецензурною лексемой, але он зафіксований в словарє молодіжного сленгу. В процесі перекладу заміна сленгізма на нейтральну лексему влєчє за собою емоціонально-експресивні втрати в певнесї контексті, змінення стилю мови головного героя, робить його більш літературним, приводить до втрати стилістическої навантаженості жаргонної лексики в тексті перекладу. Але в будь-якому випадку така заміна не іскажує семантику і розуміння повідомлення.

3. Передача ісходного жаргонізму з заміною образу в мові перекладу.

«*Stałeś się **naspidowany** na prochu lump*». – «У тебе **люки запарило**, вот і будиш ти з себе народного героя». В даному прикладі відображується заміна одного жаргонізму польської мови з значеннієм «оп'яненний, перебуваючий під впливом наркотиків, частє всего амфетаміна» на російський жаргонний елемент з подібним лексическим значеннієм. В польськомовній мові в сленгізмі «*naspidowany*» уже міститься вказівка на прийом наркотиків, і читачє швидко розуміє, о явленні йде мова, в той час як в перекладі роману російськомовна аудиторія осознає, в якому фізическому стані перебуває герой, ісключительно завдяки контексту. Така перекладеска трансформація частічно вирішує проблему адекватної передачі жаргонної лексики польської мови і влєчє за собою втрату семантического компонента в мові перекладу.

Висновки з проведенного дослідження. Ітак, найбільш інтересним пластом лексики для перекладу являється лексика, характеризуючася в основному експресивною функцією. Польський молодіжний сленг являється іменно такою лексикою.

В перекладі роману частє всего зустрічається вид перекладескої трансформації, коли неекспресивні, несленгові вираження

польского языка передаются сленговой лексикой русского языка. Это обусловлено тем, что в русском намного больше сленговых образований, и русская молодежь использует сленг чаще, чем молодые поляки. Поэтому в целом для восприятия текста русской аудиторией такой подход к решению переводческих проблем является оправданным. Неоправданными можно считать моменты, когда переводчик заменяет сленг польского языка нейтральной лексикой, что приводит к потерям на стилистическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берегівська Е. Молодіжний сленг: формування і функціонування / Е. Берегівська // Питання мовознавства. – 1996. – № 3. – С. 32–41
2. Земская Е. Активные процессы современного словопроизводства / Е. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Наука, 1996. – С. 90–141.
3. Борисова-Лукашанец Е. Современный молодежный жаргон / Е. Борисова-Лукашанец // Русская речь. – 1980. – № 5. – С. 51–55.
4. Єрмакова О. Слова, з якими ми всі зустрічалися. Тлумачний словник загального жаргону / О. Єрмакова, Е. Земська, Р. Розіна. – М., 1999. – 320 с.